

Исследовательский центр частного права
имени С.С. Алексеева
при Президенте Российской Федерации

ЧАСТНОЕ ПРАВО В СТРАНАХ БЫВШЕГО СССР

ИТОГИ 30-ЛЕТИЯ

Сборник статей

Под редакцией Л.Ю. Михеевой

СТАТУТ
МОСКВА 2022

УДК 340.1
ББК 67.022.155
Ч25

Ч25 Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия :
сборник статей / Исследовательский центр частного пра-
ва имени С. С. Алексеева при Президенте РФ ; под ред.
Л. Ю. Михеевой. — Москва : Статут, 2022. — 546 с.

ISBN 978-5-8354-1807-7 (в пер.)

Издание представляет собой сборник статей, посвященных частному праву тех стран, которые в 1991 г. образовались на территории Советского Союза. Авторы статей повествуют об истории становления гражданского законодательства в странах – бывших республиках СССР, а также освещают современное состояние основных институтов частного права и направления их дальнейшего развития. Авторы пишут о том, к каким правовым системам стран мира тяготеют принципы и нормы частного права в тех государствах, которые ранее были в составе СССР, а также о том, какой отпечаток наложило советское право на новые правовые порядки.

Книга адресована всем, кто занимается сравнительным правоведением, а также интересуется цивилистикой.

УДК 340.1
ББК 67.022.155

ISBN 978-5-8354-1807-7

© Коллектив авторов, 2022
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Авторский коллектив.....	5
Предисловие ответственного редактора	7
<i>П.В. Крашенинников</i> Реабилитация частного права. Великолепные 90-е.....	13
<i>А.С. Талыбов</i> Развитие частного права в Азербайджане: итоги 30-летия.....	60
<i>А.М. Айкянци, Т.А. Давтян</i> Направления и перспективы развития Гражданского кодекса Республики Армения	112
<i>В.Н. Годунов, М.В. Мещанова</i> Частное право Республики Беларусь: история становления, развитие и перспективы совершенствования.....	152
<i>М. Бичия</i> Тенденции развития частного права Грузии за последние 30 лет.....	191
<i>М.К. Сулейменов</i> Развитие частного права в Республике Казахстан: итоги 30-летия	213
<i>Л.В. Гутниченко, Н.Б. Аленкина</i> Гражданский кодекс Кыргызской Республики: исторические зарисовки с 1996 по 2021 год	244
<i>И. Качевска, А. Филлерс</i> Развитие частного права в Латвии.....	269
<i>В. Микеленас</i> Развитие частного права в Литве в период 1990–2020 гг.	299

<i>В. Кожокару, Г. Аворник, Ю. Морару</i> Эволюция кодификации частного права в Республике Молдова	331
<i>Л.Ю. Михеева</i> Эволюция российского частного права: новейшая история	362
<i>Ш.М. Исмаилов, Ф.С. Сулаймонов, Д.К. Бобоев</i> Развитие гражданского законодательства в Республике Таджикистан	405
<i>Я.М. Нурьев, Д.Х. Гурбанов</i> Развитие частного права в Туркменистане	441
<i>Ш.М. Асьянов</i> Вопросы совершенствования гражданского законодательства Республики Узбекистан	463
<i>Н.С. Кузнецова</i> Гражданское право Украины: история, состояние, векторы обновления	482
<i>И. Куль</i> Система частного права Эстонии и ее развитие после восстановления независимости	513

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА: НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

Л.Ю. Михеева

История создания Гражданского кодекса России (далее — ГК РФ) хорошо известна и подробно описана в целом ряде изданий¹. По этой причине всякая попытка изложить ее сейчас, спустя более чем четверть века после введения в действие ч. I ГК РФ, не имеет смысла. Гораздо важнее, на наш взгляд, описать события, последовавшие за дерзкими и прекрасными девяностыми и позволившие российскому правопорядку измениться настолько, насколько в начале этого пути никто не ожидал.

О становлении ГК РФ и начале его модернизации

Ввиду того, что группа российских ученых, работавших над ГК РФ, была фактически также основным драйвером работы над МГК, нет необходимости объяснять и причины сходства между этими документами. Сравнение не только структуры, но и содержания частей первой и второй МГК со структурой и содержанием частей первой и второй ГК РФ, принятых Государственной Думой практически одновременно с принятием этих моделей на пленарных заседаниях Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ², даст любому исследователю основание заключить, что российскому законодателю было предложено фактически полностью имплементировать документ, формально являющийся международным актом.

Конечно, внесенный в Государственную Думу проект ч. I ГК РФ не совпадал дословно с частью первой МГК, но в основе своей это был один и тот же документ, в свою очередь воплотивший в себе самое ценное, что было к тому времени в мировой цивилистике, опиравшийся-

---

¹ Наиболее подробное изложение этой истории принадлежит перу одного из главных идеологов создания нового гражданского законодательства, участника многих кодификаций А.Л. Маковского. *Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006)*. М., 2010. С. 41–58.

² Часть I МГК была принята 29 октября 1994 г., а ч. I ГК РФ — 30 ноября 1994 г. Часть 2 МГК была принята 13 мая 1995 г., а ч. II ГК РФ — 26 января 1996 г.

ся на опыт частного права Нидерландов и некоторых других стран, учитывающий массив документов УНИДРУА, Венскую конвенцию и многие другие источники. Надо также учесть, что МГК и принятые на его основе нормы ГК РФ изначально закладывали социальный характер нового частного права, его ориентированность на защиту слабой стороны правоотношения¹ (достаточно, например, обратить внимание на ст. 421 и 423 модели части первой гражданского кодекса, позже воплощенные в ст. 426 и 428 ГК РФ).

Вместе с тем, разумеется, в процессе принятия предложенного проекта ГК РФ в Государственной Думе группа разработчиков сталкивалась не только с необходимостью идти на компромиссы с политиками, но и испытывать воздействие внешних акторов². Результатом этого стала не только значительная отсрочка завершения процесса кодификации (ч. III была принята почти через шесть лет после принятия второй части, а ч. IV — спустя еще пять лет после этого), но и изменение его первоначально запланированной структуры, дробление ранее запланированной третьей части Кодекса на два блока.

И тем не менее ч. I и II ГК РФ, принятые и введенные в действие столь быстро, что те, кто мог бы возражать против их структуры или предмета, просто не успели опомниться, произвели мощнейший эффект с точки зрения коренного преобразования нашего правопорядка. За счет этого российское частное право избежало такого сценария развития, который предполагал бы принятие предпринимательского или хозяйственного кодекса³. В ч. I и II ГК РФ были сосредоточены не только общие положения о принципах, способах защиты прав, сделках, представительстве, давности, вещных правах и обязательствах, но и правила о юридических лицах, а также единые для всех участников гражданского оборота правила о договоре и его видах (типах). Так называемые предпринимательские договоры были представлены в ч. II ГК РФ как подвиды общих договорных конструкций, более того, в общих положениях о договоре появился ряд универсальных норм,

---

¹ Этому важному свойству российского частного права посвящен целый ряд статей в вышеуказанном недавно издании коллектива российских цивилистов, см.: Гражданское право социального государства: сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930–2020) / А.Г. Архипова, А.В. Асосков, В.В. Безбах и др.; Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М., 2020.

² Об этом см.: *Маковский А.Л.* Американская история // Вестник гражданского права. 2007. № 1. С. 165–167.

³ Как известно, на Украине в 2004 г. были введены в действие одновременно Гражданский кодекс и Хозяйственный кодекс.

по существу требующих от предпринимателя соблюдения тогда еще не названного в ГК РФ требования о добросовестности (например, ст. 426 ГК РФ).

Это были годы тяжелого и интересного труда большого коллектива цивилистов, помощь которым оказывали европейские институты, органы Содружества Независимых Государств и, что самое важное, молодое российское государство. Были созданы Исследовательский центр частного права при Президенте РФ, Научно-консультативный центр частного права СНГ, была принята и финансировалась программа «Становление и развитие частного права в России»¹. Такой поддержки инициативам по кодификации и развитию частного права в России более никто и никогда не оказывал.

К 2008 г., когда вступила в силу ч. IV ГК РФ, т.е. спустя 13 лет после вступления в силу ч. I ГК РФ, многое изменилось. Прежде всего следует учесть, что к этому времени были приняты и начали действовать Семейный кодекс РФ, Воздушный кодекс РФ, Земельный кодекс РФ, Жилищный кодекс РФ, Градостроительный кодекс РФ и многие иные федеральные законы, включая Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». Можно с уверенностью сказать, что к 2008 г. российская правовая система имела в области частного права развернутое и системное законодательство, содержащее огромный массив норм материального права, а также предусматривающее вполне современные правила о судопроизводстве и иных процедурах правоприменения. Весь этот значительный по объему и становящийся все более развернутым комплекс норм вызывал к жизни все новые вопросы в ходе его ежедневного применения на всей территории огромной России.

Кроме того, сложилась судебная система, в которой особую роль стала играть система арбитражных судов, т.е. государственных судов, специализирующихся на рассмотрении споров между субъектами экономической деятельности. По объективным причинам, заключающимся прежде всего в сложности рассматриваемых арбитражными судами правоотношений, а подчас и в огромной цене судебной ошибки, арбитражные суды к этому времени начали выполнять в российском правосознании функцию центра силы, в том числе стали способствовать развитию доктрины частного права. Немалую роль в этом сыграл и Высший Арбитражный Суд РФ, который не только высказывался относительно содержания

---

¹ Указ Президента РФ от 7 июля 1994 г. № 1473 «О программе «Становление и развитие частного права в России»».

положений ГК РФ и иных законов гражданского права, но и начал формулировать в своих актах положения, отсутствующие в законе, укрупняя и развивая принципы и нормы, заложенные в ГК РФ.

Наконец, к 2008 г. укрепился и все более активную роль в развитии законодательства стал играть созданный по инициативе Высшего Арбитражного Суда РФ в 1999 г. (тогда ВАС РФ возглавлял В.Ф. Яковлев) Совет при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Совет по кодификации). В соответствии с Указом Президента РФ от 5 октября 1999 г. № 1338¹ Совет по кодификации стал консультативным органом при Президенте РФ, обеспечивающим взаимодействие между федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, общественными объединениями, научными учреждениями и организациями при рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием гражданского законодательства. Несмотря на то, что в Положении о Совете по кодификации указывается на рекомендательный характер экспертных заключений Совета, данный орган, зарекомендовав себя в качестве наиболее компетентного собрания специалистов в области гражданского права, стал, по существу, серьезным препятствием на пути непродуманных и конъюнктурных законодательных решений. Большой вес Совету по кодификации придало адресованное всем федеральным органам исполнительной власти требование в обязательном порядке направлять на экспертизу в Совет все проекты федеральных законов в сфере гражданского права до их представления в Правительство РФ².

Совместными усилиями Исследовательского центра и Совета по кодификации в 2008 г. была обоснована и выдвинута идея о необходимости «модернизации» ГК РФ – так предлагалось называть запланированную ревизию и корректировку положений Кодекса, избегая громкого слова «реформа» по ряду причин, в том числе и для того, чтобы не отталкивать от этой идеи тех, кто представлял сферу правоприменения.

Нужно признать, что к этому времени отечественный правопорядок, имея пусть подчас и незаконченные или не до конца ясные

¹ Указ Президента РФ от 5 октября 1999 г. № 1338 «О Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства».

² Пункт 2 Указа Президента РФ от 29 октября 2003 г. № 1267 «Об обеспечении деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства».

частноправовые институты, уже сумел выработать представление о них, нарастить на «остов» положений ГК РФ целый массив правовых позиций судов и официальных разъяснений, оформленных в виде постановлений пленумов высших судов или в виде обзоров практики применения гражданского законодательства. Крупнейшие российские компании, а также довольно внушительный сегмент так называемого среднего бизнеса свыклись с этим правовым полем и, уверенно на него опираясь, выстраивали свои планы. На этом фоне любое предложение о реформе могло быть встречено недопониманием.

В ответ на инициативу Совета по кодификации Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» Совету было поручено разработать концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации, а также предложения о мерах по ее реализации, предусмотрев подготовку в 2009–2010 гг. проектов федеральных законов о внесении изменений в ГК РФ.

В действительности к моменту выступления с инициативой о модернизации ГК РФ работа по подготовке Концепции уже частично велась: на площадке Высшего Арбитражного Суда РФ под руководством В.В. Витрянского с марта 2008 г. заседал первый состав рабочей группы по обязательствам, начавший подготовку предложений по совершенствованию обязательственного права. Автору этих строк посчастливилось поработать в этой группе, а впоследствии также принять участие во многих иных событиях, связанных с ГК РФ.

В Указе Президента РФ одним из мотивов (хотя и не самым главным) начала модернизации ГК РФ была названа необходимость сближения положений Гражданского кодекса Российской Федерации с правилами регулирования соответствующих отношений в праве Европейского союза. Позже о необходимости равняться на западное право и по возможности позаимствовать из него самое лучшее говорили оппоненты Совета по кодификации – члены рабочей группы по созданию международного финансового центра в Российской Федерации при Совете при Президенте Российской Федерации по развитию финансового рынка Российской Федерации и Международного консультативного совета по созданию и развитию международного финансового центра в Российской Федерации¹.

---

¹ Группа была создана Распоряжением Президента РФ от 7 июля 2010 г. № 455-рп «О рабочей группе по созданию международного финансового центра в Российской Федерации при Совете при Президенте Российской Федерации по развитию финансового рынка Российской Федерации», а Совет был образован Распоряжением Президента РФ

Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (далее также – Концепция) была одобрена решением Совета по кодификации 7 октября 2009 г., в ее основу легли более детальные концепции развития отдельных областей частного права¹.

По существу, в основе подавляющего большинства предложений лежала наработанная арбитражными судами практика и то толкование положений ГК РФ, которое следовало отразить в самом ГК РФ. Часть предложений состояла в систематизации норм гражданского права, во множестве присутствующих не только в ГК РФ, но и в разного рода федеральных законах, в отношении которых разработчики Концепции высказывали предположение об их естественном «отмирании» по завершении модернизации ГК РФ.

На базе Концепции и предшествовавших ей документов был подготовлен проект федерального закона о внесении изменений и дополнений в ГК РФ (первоначальная его версия была издана небольшим тиражом в виде «наложения» нового текста на текст действующего ГК РФ), однако при его обсуждении в различного рода ведомствах и профессиональных ассоциациях уже на первых этапах начала звучать довольно резкая критика. Те, кто в принципе не возражал против идеи модернизации ГК РФ, в основном говорили о недостаточности предложенного прорыва, об отсутствии в подготовленном проекте положений, которые в полной мере отвечали бы социально-экономическому запросу, в качестве диспозитивных норм составляя гибкий инструментарий, столь нужный субъектам экономической деятельности, реализующим свое усмотрение.

Административный вес ряда участников тогдашней дискуссии способствовал поиску компромисса, его результатом стало включение в законопроект, подготовленный Советом по кодификации, статей, которые были посвящены аффилированности, контролирующим компанию лицам, договору об осуществлении участниками общества корпоративных прав, заключаемому с кредитором общества, безотзывным доверенностям, обусловленному исполнению обязательства, опционному договору, заверениям об обстоятельствах, возмещению потерь. В первоначальной редакции законопроекта всех этих положений не было.

от 29 декабря 2010 г. № 900-рп «О Международном консультативном совете по созданию и развитию международного финансового центра в Российской Федерации».

¹ Этот материал размещен на сайте Исследовательского центра: <https://privlaw.ru/sovet-po-kodifikacii/conceptions/>.

Дальнейшие события тоже хорошо известны тем, кто интересуется российским частным правом — доработанный проект был передан Советом по кодификации Президенту Российской Федерации, который внес его в Государственную Думу.

Законопроект о модернизации ГК РФ (далее также — проект № 47538-6) был принят Государственной Думой в первом чтении 27 апреля 2012 г., но вместо его принятия во втором и третьем чтениях Госдума 16 ноября 2012 г. постановила начать процесс частичного его рассмотрения¹.

Рассмотрение было начато с тех блоков, которые вызывали наименьшее число споров и возражений. В результате дробления проекта № 47538-6 на блоки за 2012—2017 гг. на основе текста этого законопроекта было принято девять федеральных законов², в подготовке текста каждого из которых довелось принять деятельное участие автору этих строк. Работа с законопроектом переместилась на площадку профильного Комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, при котором была создана сводная рабочая группа по подготовке к рассмотрению проекта федерального закона № 47538-6³. Это были годы тяжелых де-

---

¹ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 16 ноября 2012 г. № 1150-6 ГД «О порядке рассмотрения проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»».

² Федеральные законы от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», от 30 сентября 2013 г. № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», от 21 декабря 2013 г. № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации», от 12 марта 2014 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ См.: http://www.komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/7486/.

батов, бесконечных совещаний и переписки с разными ведомствами. Были приняты поправки к основным положениям гражданского законодательства, блок норм об объектах гражданских прав, о сделках, решениях собраний, представительстве и давности, о юридических лицах, об обязательствах и договоре, поправки к разд. VI «Международное частное право», к ч. IV ГК РФ, поправки к положениям ч. II ГК РФ о займе, банковских сделках и расчетах¹.

К 2017 г., когда был принят пакет норм законопроекта, посвященных так называемым финансовым сделкам, в руках группы, созданной Комитетом, остались небольшой пакет норм, посвященных выполнению научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ, а также самый крупный блок проекта модернизации ГК РФ и самый ценный с точки зрения завершения строительства частного права блок норм о вещных правах.

Запроса на его принятие по-прежнему не было. Более того, к этому времени была осуществлена серьезная корректировка земельного законодательства — был принят Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», существенно расширивший в земельном законодательстве те институты и нормы, которые по существу регулируют гражданско-правовые отношения. Названный Закон укрепил сложившуюся к этому времени систему прав на землю, фактически законсервировал ее.

Подавляющее большинство отношений по использованию земель, находящихся в публичной собственности, к этому времени оформляли договоры аренды, в том числе договоры о долгосрочной аренде. Парадоксальным образом арендная форма отношений использовалась (и используется по сей день) для строительства зданий и сооружений, в том числе не относящихся к жилым, а предлагаемое для этих отношений в проекте № 47538-6 долгосрочное право застройки (в первоначальной версии проекта предполагалось, что оно не может длиться

---

¹ В настоящей статье нет возможности осветить основные черты всех обновленных положений ГК РФ. Исследовательский центр посвятил новым положениям разд. VI «Международное частное право» и ч. IV ГК РФ два комментария — Комментарий к разделу VI «Международное частное право» части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / ИЦЧП им. С.С. Алексеева при Президенте РФ; Отв. ред. И.С. Зыкин, А.В. Асосков, А.Н. Жильцов. М., 2021; Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / Отв. ред. Е.А. Павлова. М., 2018.

менее 50 лет, в последовавших редакциях этот срок был сокращен до 30 лет) оказалось ненужным, неинтересным прежде всего для тех, кто занимается строительным (девелоперским) бизнесом.

Попытки выстроить диалог с тем сектором экономики, который опирается на пользование земельными участками, не увенчались успехом. Проведенный в Госдуме в 2015 г. круглый стол показал, что, по мнению представителей российского бизнеса, экономические риски, которые неизбежно возникают в случае замены оснований, сроков и условий использования земельных участков на другие, существенно перевешивают гипотетическую пользу от предлагаемого в законопроекте упрочения прав на землю¹.

Трудно оценить весь проект модернизации ГК РФ, ибо итог его частичного рассмотрения — девять принятых федеральных законов² — представляет собой довольно пестрое полотно из первоначальных редакций, их уточненных версий, редакционных и сущностных компромиссов, а также довольно объемных дополнений, которых требовали политики. Более того, неожиданным для многих участников работы над модернизацией ГК РФ обстоятельством стало то, что многие их мысли, обернутые в казалось бы ясные словосочетания и емкие фразы, в первые же дни после принятия поправок к ГК РФ стали интерпретироваться иначе.

Огромное значение стали приобретать новые официальные разъяснения по вопросам частного права, которые начал готовить Верховный Суд РФ. Были выпущены десять крупных постановлений Пленума Верховного Суда РФ, посвященных вопросам применения обновленной редакции ГК РФ³. К подготовке этих документов Верховный

---

¹ Со стенограммой заседания можно ознакомиться по ссылке: <http://www.komitet2-10.km.duma.gov.ru/Rabochie-gruppy-i-kruglye-stoly-/item/6746/>.

² К моменту завершения подготовки этого издания был принят также Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», представляющий собой десятый по счету пакет поправок к ГК РФ. Этот Закон вступает в силу с 1 марта 2022 г. и дополняет Кодекс небольшими главами 6.1 «Недвижимые вещи» и 17.1 «Право собственности и другие вещные права на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места», которые содержат самые общие положения о земельных участках и иных объектах недвижимости.

³ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений

Суд РФ привлекал большое количество цивилистов, прежде всего представляющих кафедру гражданского права МГУ им. М.В. Ломоносова и Исследовательский центр. Можно с уверенностью утверждать, что работа по подготовке постановлений Пленума Верховного Суда РФ в области частного права стала очередным этапом модернизации, которую ранее начал Совет по кодификации.

Об отдельных новеллах частного права России, появившихся в результате модернизации ГК РФ и не только

Попытка в рамках этой статьи осветить все изменения, внесенные в ГК РФ, начиная с 2012 г., дать им оценку и предсказать их дальнейшую судьбу, была бы заведомо обречена на провал, поэтому хотелось бы остановиться лишь на некоторых, разных по значимости новеллах Кодекса и новых свойствах частного права России. Автор приносит извинения за то, что этот выбор субъективен.

Безусловно, самым большим достижением модернизации ГК РФ следует считать включение в ст. 1 Кодекса **требования о добросовестном поведении** и последовательное отражение принципа добросовестности во всех нормах и институтах Кодекса. Это в действительности центральная победа модернизации ГК РФ.

Строго говоря, с анализа этого достижения надо начинать всякий рассказ о частном праве России и этим же надо его заканчивать. Феномену добросовестности посвящено немало крупных научных работ и статей российских авторов, однако представляется, что наиболее глубокое его исследование в сравнительно-историческом аспекте, показавшее место требования о добросовестном поведении в частно-

---

Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении», от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве».

правовой доктрине и в политике судов, провел А.М. Ширвиндт¹. В его статье, вышедшей спустя год после изменения ст. 1 ГК РФ, впрочем, указывалось на то, что предугадать эффект от этого события нелегко.

Новая редакция ст. 1 и 10 ГК РФ вступила в силу с 1 марта 2013 г., но на первых порах эти положения действительно оставались незамеченными. С каждым новым блоком поправок ее значение усиливалось, так как требование о добросовестном поведении все дальше становилось не пустым звуком, а реально действующей нормой, нарушение которой неотвратимо влечет за собой неблагоприятные последствия (последствия недобросовестного поведения были прямо отмечены в нормах о недействительности сделок, о заключении договоров и т.д.).

Чувствуя силу в этом универсальном правиле, российские суды все чаще начинали к нему обращаться и, ссылаясь на ст. 10 ГК РФ, пусть не всегда полноценно мотивируя эту отсылку, приходили к тем выводам по существу спора, которые считали справедливыми. Без сомнения, огромную роль в этом процессе внедрения принципа добросовестности в практическую юриспруденцию сыграли разъяснения, данные Верховным Судом РФ в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», особенно новаторская для отечественного правосознания мысль о праве (или даже обязанности) суда по своей инициативе усмотреть недобросовестность в поведении стороны спора и вынести это обстоятельство на обсуждение сторон.

Анализ того, как сейчас работает идеологема добросовестности, какое влияние она оказывает на правосознание, что дает отечественному правопорядку, без сомнения, требует проведения отдельных и весьма глубоких изысканий.

С точки зрения практического применения правил о добросовестности гораздо большее внимание юристов-практиков привлекала к себе презумпция добросовестности в ее сочетании со стремительно меняющимися правилами о разумной осмотрительности. Повсеместно в нашем юридическом быту начал укрепляться тезис о том, что проявивший должную осмотрительность субъект предполагается действовавшим добросовестно, а потому его интересы не должны пострадать

---

¹ Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение // *Aequum ius*. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / Отв. ред. А.М. Ширвиндт. М., 2014. С. 203–242.

в случае спора со стороной сделки или третьим лицом. Напротив, указанные лица должны опровергнуть презумпцию добросовестности и доказать, что этот субъект знал или должен был знать о каких-то обстоятельствах, которые могут повлечь за собой признание сделки недействительной.

Здесь следует упомянуть о **принципе внесения**, которому была посвящена ст. 8.1 ГК РФ. Увы, реализовать этот принцип в полной мере отечественному правопорядку пока не удастся, что связано с трудностями затянувшегося на 30 лет переходного периода: отношения собственности в сфере недвижимости до сих пор не упорядочены, записи о правах на недвижимость, возникших до формирования системы регистрации прав, в полном объеме до сих пор не включены в реестр. Особое значение приобрело то обстоятельство, что декларируемая семейным законодательством общность имущества супругов практически никогда не отражается в реестре прав на недвижимость, при этом супруг, вопреки воле которого отчуждается общая недвижимость, заинтересован вовсе не в получении денежной компенсации от своего супруга, а в возврате объекта в общую собственность в целях ее раздела.

Следствием всех этих серьезных упущений отечественного правопорядка (впрочем, часть из них не может быть поставлена ему в вину, так как имеет политэкономические причины объективного характера) стало то, что **судебная система в настоящее время балансирует между строгостью принципа внесения и запросом сторон спора на справедливость**. Подтверждает данный тезис разъяснение, предложенное в п. 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и предоставляющее суду признать существующим право на недвижимость вопреки тому, что это право (или предшествующее право другого лица) никогда не было отражено в реестре.

Если сравнить этот подход с тем, который изложен в том же самом Постановлении Пленума применительно к значению записей в Едином государственном реестре юридических лиц (п. 22), то можно удивиться столь разным выводам из правил ст. 8.1 ГК РФ, казалось бы, сулившей сужение разумной осмотрительности (применительно к сведениям о лицах и объектах) до ознакомления с государственными реестрами — публичными, достоверными, основанными на предварительной проверке фактов и юридической экспертизе оснований внесения сведений.

Применительно к реестру юридических лиц суждение о том, что добросовестному лицу достаточно ознакомления с реестром, справедливо, применительно к реестру недвижимости — нет, и в последнем случае сделанный судебной системой вывод в немалой степени вызван к жизни тем, что предварительная проверка оснований для внесения записей в реестр недвижимости оставляет желать лучшего. Увы, ни в самом дебюте, ни в ходе модернизации российское законодательство не приобрело правил об обязательном нотариальном удостоверении сделок, являющихся основаниями возникновения, изменения и прекращения прав на недвижимое имущество¹. Нет надежды на их появление и теперь, когда такие преимущества электронного взаимодействия субъектов гражданского права, как мгновенность выражения воли и возможность зафиксировать волеизъявление путем видеозаписи или иным цифровым путем, выдвигаются против тезиса о необходимости обязательной личной явки сторон сделки к нотариусу и разъяснения им смысла сделки и ее правовых последствий (во всяком случае, эти тезисы выдвигают органы исполнительной власти, организующие правовое пространство для гражданского оборота наиболее ценных благ).

Вместе с тем наш законодатель не оставляет попыток укрепить принцип внесения. С этой целью п. 6 ст. 8.1 ГК РФ был в 2019 г. дополнен новым положением следующего содержания: «Приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (статьи 234 и 302), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него».

Это уточнение было произведено Федеральным законом от 16 декабря 2019 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», история разработки и принятия которого любопытна и о многом рассказывает. К 2015 г. в судебной практике накопилось немалое число случаев изъятия жилой недвижимости у лиц, чьи права зарегистрированы в реестре и которые при приобретении недвижимости на рынке опирались на сведения о ее собственнике, указанные в реестре. Практически все эти судебные акты были вынесены по искам г. Москвы, в обособно-

¹ Подробнее об этом см.: *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 65–66; *Чефранова Е.А.* Новеллы законодательства и налаживание взаимодействия между нотариатом и органами государственной регистрации прав на недвижимое имущество // *Нотариус.* 2015. № 2. С. 3–7.

вание которых был положен спорный тезис о незаконном выбытии жилых помещений из владения публичного собственника помимо его воли. Очевидная несправедливость складывающейся практики, ее масштаб и распространение на случаи, связанные с нежилой недвижимостью, подтолкнули Общественную палату РФ к тому, чтобы обратиться к Президенту РФ с просьбой оказать содействие в преодолении этой тенденции и поручить разработку соответствующих законодательных инициатив.

Поручение было дано¹, и спустя четыре года ГК РФ был дополнен как приведенной выше нормой о предполагаемой добросовестности всякого лица, которое опирается на реестр, так и пресекательным сроком для требований публичных субъектов об истребовании жилого помещения у добросовестного приобретателя (п. 4 ст. 302 ГК РФ)². Что называется, «по пути» законодатель устранил и еще одну давнюю проблему института приобретения прав по давности — убрал из п. 4 ст. 234 ГК РФ упоминание об обязательном истечении исковой давности, необходимом для расчета приобретательной давности. Впрочем, все эти коррективы не были запланированы проектом модернизации ГК РФ, хотя и напрямую вытекали из идей, заложенных в Концепции.

Несмотря на то, что в Концепции не были затронуты вопросы **правового положения физической личности**, в текст законопроекта о модернизации ГК РФ в последние месяцы работы над ним были включены нормы, усовершенствовавшие положения об имени и месте жительства гражданина, а также о принадлежащих ему неимущественных правах³.

К числу наиболее важных новелл в этой сфере можно отнести не только появление новой ст. 152.2 ГК РФ «Охрана частной жизни гражданина», уточнение правил об охране чести и достоинства, введение ответственности за распространение «нейтральной» или

¹ Перечень поручений Президента РФ по итогам пленарного заседания Общественной палаты Российской Федерации, состоявшегося 23 июня 2015 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/501118#sel=10:1:ThU,10:45:VjU>.

² Качество последнего законодательного решения, увы, смущает, ведь такие уточнения ГК РФ создают ложное ощущение, будто в иных случаях изъятие имущества у добросовестного приобретателя возможно всегда, в том числе применительно к владению недвижимостью.

³ Подробнее об этом см.: *Михеева Л.Ю.* Модернизация института нематериальных благ: достижения и перспективы // Кодификация российского частного права. 2019 / В.В. Витрянский, С.Ю. Головина, Б.М. Гонгалов и др.; Под ред. Д.А. Медведева. М., 2019. С. 185–197.

«хвалебной» лжи, но и расширение инструментов защиты любых нематериальных благ.

Пункт 2 ст. 150 ГК РФ еще в первоначальной редакции содержал отсылку к ст. 12 ГК РФ, однако за годы его применения эта возможность не использовалась практически никогда – нарушенные личные права защищались только теми немногими способами, которые напрямую были названы в законе применительно к соответствующему нематериальному благу. Поэтому пришлось дополнить норму указанием на то, что нематериальные блага могут защищаться путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо. Иными словами, впервые в нашем законодательстве появилась возможность предупредительно потребовать от потенциального нарушителя не распространять фотографии или наложить запрет на приближение к истцу на определенное расстояние и т.п.

С момента уточнения этого положения прошло восемь лет, но практика применения судебных запретов или иных форм пресечения или запрещения противоправных действий в отношении личности, увы, так и не сформировалась. Возможно, причиной этого в российском праве является недостаточно суровая ответственность за неисполнение судебных актов, возможность игнорировать их, т.е. неуважение к суду в широком смысле.

Вместе с тем за последние несколько лет феноменально быстро сложились и укрепились нормы публичного законодательства, ограничивающие свободный поиск, хранение и распространение информации и при этом косвенным образом обеспечивающие защиту нарушенных личных прав. Так, например, в 2015 г. в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» были введены положения о праве «на забвение», обязывающие владельца поискового сервиса по требованию гражданина прекращать выдачу ссылок на страницы, где содержится неактуальная, утратившая значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя информация. Введенная в этот же Закон в 2020 г. ст. 10.6 возлагает на владельцев социальных сетей обязанность не допускать распространение в социальной сети информации, порочащей граждан. Есть основание предполагать, что такого рода нормы публичного права будут развиваться и дальше, более того,

они будут многими востребованы, так как позволяют восстановить нарушенное гражданское право (личное неимущественное право) без обращения к судебной защите, за счет административных способов блокировки страниц на интернет-сайтах. Впрочем, такая тенденция далеко не безвредна, что проявится уже в ближайшей перспективе.

Модернизация положений о сделках и исковой давности преследовала ряд задач, многие из которых имели в том числе и конкретную практическую направленность – разгрузку судебной системы. Вместе с тем главной целью внесенных поправок все же было упрочение гражданского оборота, сохранение, насколько это возможно, силы совершенных сделок за счет сокращения случаев признания сделок недействительными там, где интересы гражданского оборота этого не требуют, или там, где не нарушены интересы третьих лиц или публичные интересы.

В связи с этим к числу наиболее важных новелл подразд. 4 разд. I ГК РФ относят изменение общего правила о ничтожности сделок, совершенных с нарушением закона (ст. 168 ГК РФ), устранение нормы о взыскании в доход государства всего полученного по сделкам, совершенным в противоречии с основами правопорядка (ст. 169 ГК РФ), общее правило об оспоримости сделок, совершенных без требуемого в силу закона согласия третьего лица (ст. 173.1 ГК РФ) и многое другое¹. Следует отметить, что наиболее полное восприятие этих новелл российского права требует учета последовавших после реформы разъяснений Верховного Суда РФ, многие из которых, впрочем, представляли собой правовые позиции, ранее сформированные Высшим Арбитражным Судом РФ.

К числу таких разъяснений, заслуживающих освещения и обсуждения, относится то, которое дано касательно применения п. 2 ст. 174 ГК РФ (оспаривание сделки, совершенной представителем или действующим от имени юридического лица без доверенности органом юридического лица в ущерб интересам представляемого или интересам юридического лица). В п. 93 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

---

¹ Подробное освещение эти новеллы получили в целом ряде работ, например: *Скловский К.И.* Сделка и ее действие (3-е издание). Комментарий главы 9 ГК РФ (Понятие, виды и форма сделок. Недействительность сделок) // СПС КонсультантПлюс. 2015; *Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации* / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин и др.; Отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2018.

Федерации» указывается, что совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях, например, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента, свидетельствует о недобросовестности стороны. В этом акте официального толкования устанавливается презумпция того, что другая сторона должна была знать о наличии явного ущерба в том случае, если это было бы очевидно для любого участника сделки в момент ее заключения.

Распределение бремени доказывания, представленное в названном разъяснении, фактически может означать вменение недобросовестности тому контрагенту, который совершил сделку с юридическим лицом на указанных условиях, т.е. получил большой дисконт или, наоборот, слишком дорого оценил свои услуги. Подчеркнем: речь не идет о том, что такой контрагент вступил в сговор с представителем стороны по сделке, в том числе потому, что был аффилирован с этим представителем — для случаев сговора или иных совместных недобросовестных действий в п. 2 ст. 174 ГК РФ предусмотрено самостоятельное основание признания сделки недействительной, о чем прямо сказано и в названном Постановлении Пленума.

Вопреки вдохновляющему правилу о предполагаемой добросовестности каждого участника гражданского оборота (п. 5 ст. 10 ГК РФ), в этой ситуации ответчик столкнется с необходимостью оправдывать цену сделки, подыскивая для этого сохранившиеся доказательства ее «экономической оправданности»¹ для контрагента, в то время как сам контрагент (от имени которого в споре будет выступать новый директор компании или ее акционер) таких доказательств представлять не обязан. Вряд ли разумный предприниматель, оказавшись перед возможностью недорого приобрести нужный ему товар, когда-либо задумывался о том, что директор компании-продавца стремится

---

¹ В Постановлении указывается: «сделка не может быть признана недействительной, если имели место обстоятельства, позволяющие считать ее экономически оправданной (например, совершение сделки было способом предотвращения еще больших убытков для юридического лица или представляемого, сделка хотя и являлась сама по себе убыточной, но была частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых юридическое лицо или представляемый получили выгоду, невыгодные условия сделки были результатом взаимных равноценных уступок в отношениях с контрагентом, в том числе по другим сделкам)». Этот подход в какой-то мере представляет собой развитие положений Постановления Пленума ВАС РФ от 20 июня 2007 г. № 40 «О некоторых вопросах практики применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью», хотя следует еще раз подчеркнуть, что в рассматриваемых случаях не идет речь о сговоре контрагента с представителем юридического лица.

навредить своей компании или действует необдуманно, торопится продать товар, не задумываясь о цене. Во всяком случае, в России принято считать, что забота о таком продавце должна быть поручена его директору или акционерам, а покупатель вправе приобрести то, что его интересует, по наиболее низкой цене, не терзая себя никакими сомнениями. У этой модели поведения есть свои нравственные и этические корни.

В рассматриваемом случае презумпция о добросовестном поведении всякого контрагента, создающая основу для уверенности участников отношений гражданского оборота, позволяющая им (при разумной осмотрительности) рассчитывать на силу заключенных ими сделок, формировать условия этих сделок по своему усмотрению, опираясь на рыночную конъюнктуру и свои интересы в контексте этой конъюнктуры, феноменальным образом была оставлена в стороне. Можно, разумеется, рассуждать и иначе: презумпция не забыта, она просто признана не действующей там, где участник гражданско-правовых отношений не позаботился о своем контрагенте больше, чем о себе самом, не удержал его от заключения невыгодной сделки и не заплатил ему больше, чем того хотел сам контрагент.

Такого рода новая философия не чужда и иным областям частного права, причем в последнее время все четче выявляется связь предлагаемых для отношений частного права подходов с теми идеями, что формирует право публичное. Исследовательский центр проводил в 2021 г. конференцию «Публично-правовые условия гражданского оборота: налоговый и антимонопольный аспекты», организованную совместно с Верховным Судом РФ, Федеральной налоговой службой и Федеральной антимонопольной службой¹. Участники этой конференции отмечали, что провозглашенная в частном праве презумпция добросовестности конфликтует с требованиями публичного права, адресуемыми субъектам предпринимательской деятельности, в частности, с требованием об обязательной проверке деловой репутации будущего контрагента, его платежеспособности, рисках неисполнения обязательства, наличия у контрагента необходимых ресурсов и соответствующего опыта, а также фактов неисполнения будущим контрагентом своих налоговых обязательств².

---

¹ Материалы конференции размещены на сайте Исследовательского центра: <https://privlaw.ru/video-share/video-share-2021/video2021-3-1/>.

² См. Письмо ФНС России от 23 марта 2017 г. № ЕД-5-9/547@ «О выявлении обстоятельств необоснованной налоговой выгоды».

Отечественная правовая политика фактически демонстрирует разные стандарты разумного поведения участников гражданского оборота, что в немалой степени дезориентирует последних. **Частноправовые принципы и институты транслируют по большей части идею о доверии к контрагенту, в отношении которого презюмируется его добросовестность. Публично-правовые нормы, напротив, требуют от предпринимателя недоверия и большей бдительности.**

В группе поправок, посвященных сделкам, значимое место заняли **нормы о собраниях** гражданско-правовых сообществ. Специальная гл. 9.1 ГК РФ «Решения собраний» за счет близости своего расположения к главе о сделках и за счет использования терминологии, относящейся к сделкам, сыграла прежде всего своего рода просветительскую роль. Подавляющему большинству юристов, применяющих нормы о различного рода коллегиальных органах юридического лица или о коллективах физических лиц, стало ясно, что речь в них идет об особой разновидности сделок, выражающих волю больших и малых гражданско-правовых сообществ. Особенностью выраженной собранием воли является то, что голосующее против принятия решения меньшинство в силу закона обязано подчиниться большинству, голосующему за. Необходимость смириться с мнением других участников гражданско-правового сообщества во всех случаях вызвана тем, что сам участник гражданско-правового сообщества вступает в него своей волей.

Кстати, подавление воли меньшинства в результате принятия собранием решения идеологически близко и новому положению договорного права о том, что многосторонним договором, исполнение которого связано с осуществлением всеми его сторонами предпринимательской деятельности, может быть предусмотрена возможность изменения или расторжения такого договора по соглашению как всех, так и большинства лиц, участвующих в указанном договоре, если иное не установлено законом (абз. 2 п. 1 ст. 450 ГК РФ).

Единый политико-правовой подход в такого рода случаях считается довольно внятным: субъекту гражданского права следует придерживаться «правил игры», к которым он присоединился, входя в большой или малый коллектив, гражданско-правовое сообщество. Право «передумать» в таких случаях, как видится, может быть выведено, обосновано и защищено только при доказанной недобросовестности иных участников сообщества либо (что, увы, является менее вероятным сценарием) при существенном изменении обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

Наиболее востребованными в экономической сфере оказались те положения проекта модернизации ГК РФ, которые были посвящены **обязательствам и договору**. В отличие от иных блоков законопроекта о модернизации практически все эти положения вызвали восторженные отклики и энтузиазм у тех, кто ежедневно применяет нормы гражданского права в своей профессиональной деятельности.

В первую очередь это воодушевление вызвало прямое закрепление в ГК РФ определенных договорных конструкций или некоторых договорных условий, которые разрешено использовать субъектам гражданско-правовых отношений. Между тем это обстоятельство может и настораживать, так как оно свидетельствует в том числе об усилении позитивистских тенденций в правопорядке, не научившемся за 30 лет в должной мере признавать свободу договора.

Действительно, разве не было возможным заключение рамочных договоров до того, как в ГК РФ появилась ст. 429.1? Разве исключал принцип свободы договора, присутствующий в ст. 1 и 421 ГК РФ, возможность заключения опционного договора или абонентского договора?

Вероятно, кто-то из моих коллег возразит и скажет, что принцип свободы договора изначально понимался в российском праве ограниченно, поэтому всякое прямое упоминание в законе о возможности заключить соглашение на определенных условиях в любом случае важно, так как оно подчеркивает силу такого соглашения, противопоставляет закон судебному усмотрению, стремящемуся подчас пересмотреть соглашение сторон, привести его в соответствие с действительным экономическим смыслом. Кстати, примерно об этом писал в 2009 г. А.Г. Карапетов, который указывал применительно к опционному договору, что «главное даже не определить правовую природу, а признать законность такого правового инструмента. С этим в российском праве возникают проблемы в силу того, что механизм заключения опционного договора в ГК РФ прямо не изложен»¹.

Так или иначе, в российском обязательственном праве появилось немало уточнений, вызванных к жизни неприятием определенных диспозитивных моделей со стороны судебной системы, проявляющей осторожность и, возможно, недоверие к участникам гражданско-правовых отношений. С тем, чтобы более не вступать в споры отно-

---

¹ *Карапетов А.Г.* Анализ некоторых вопросов заключения, исполнения и расторжения договоров в контексте реформы обязательственного права России // *Вестник ВАС РФ.* 2009. № 12. С. 35.

сительно существа диспозитивных норм, принципа действия в своем интересе или пределов осуществления права заключать не предусмотренные законом сделки, российские цивилисты включили в ГК РФ правила:

- о плате за право заключить договор (п. 1 ст. 429.2, п. 2 ст. 429.3);
- о плате за отказ от договора (п. 3 ст. 310);
- об обусловленном исполнении обязательства (ст. 327.1);
- о возможности обеспечить задатком предварительный договор (п. 4 ст. 380 ГК РФ);
- об обеспечительном платеже, по условиям которого можно не производить возврат внесенной суммы (§ 8 гл. 23 ГК РФ);
- о возмещении потерь, не связанных с нарушением обязательства (ст. 406.1);
- о возможности установить соглашением такое основание прекращения обязательства, которое не предусмотрено законом (п. 1 ст. 407);
- о заверениях (ст. 431.2) и о многих других условиях сделок или сделках, ранее вызывавших сомнения в их законности или вовсе не признаваемых правопорядком.

В области обязательственного права, как и в иных областях российского частного права, тоже проявляет свое действие принцип добросовестности. Первоначально в проектной редакции ст. 307 ГК РФ не содержалось норм, которые разворачивали бы действие принципа добросовестности применительно к обязательству. Статья 307 ГК РФ была дополнена п. 3 в ходе доработки проекта № 47538-6 ко второму чтению, буквально за несколько недель до его принятия. Это одно из самых значимых для правопорядка, но и недооцененных к данному моменту приобретений нашего Кодекса.

Универсальный характер требования о добросовестном поведении, адресуемого сторонам обязательства на всех стадиях — при возникновении обязательства (1), в ходе его исполнения (2) и после его прекращения (3) — дает основание судам применять п. 2 и 4 ст. 10 ГК РФ в неограниченном числе случаев, отказывая стороне обязательства в защите ее права и взыскивая с нее убытки.

Убытки, которые могут быть взысканы в случае недобросовестного поведения на первой стадии, хорошо описаны в ст. 434.1 ГК РФ и сопутствующих ей разъяснениях Верховного Суда РФ, которые содержатся в п. 19–21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

Оставляя в стороне споры о том, создал ли российский законодатель модель преддоговорного обязательства или лишь предусмотрел ранее не признаваемый вид деликтов, отметим, что само по себе существование ответственности за внезапное прекращение переговоров или за умолчание об обстоятельствах, относительно которых сторону никто и не спрашивал, переворачивают стандарты поведения участников гражданского оборота. Теперь от них **требуется максимальная предупредительность, вежливость и забота по отношению не только к контрагентам, но даже и к несостоявшимся контрагентам.** Одна только мысль о том, что в далеком или недалеком будущем подавляющее большинство субъектов гражданского права будут заботиться об интересах других лиц, как о своих собственных, способна превратить любого цивилиста в героиню известного романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», наблюдающую из своего четвертого сна за идеальным миром.

Столь же сильный эффект на воображение практикующего юриста оказывает мысль о возможности взыскания убытков за недобросовестное поведение бывшего контрагента – того, с кем обязательственное правоотношение давно прекращено. Обычно говорят об «информационном долге» бывшего контрагента (обязанность по запросу предоставить сохранившуюся информацию и т.п.), неисполнение которого влечет возмещение убытков, но очевидно, что одним только этим случаем обязанность добросовестного поведения не исчерпывается.

Одним из наиболее сильных инструментов воздействия на недобросовестных участников гражданских правоотношений стала судебная неустойка (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ). Здесь мы вновь имеем дело с тем случаем, когда решение включить норму в ГК РФ было принято незадолго до второго чтения законопроекта о модернизации: проектируемая ст. 308.4 ГК РФ, принятая в первом чтении, существенно отличается от итоговой редакции ст. 308.3. В результате недолгих обсуждений в Кодексе оказалось предельно короткое положение о судебной неустойке, задача которого заключалась лишь в том, чтобы зафиксировать новую гражданско-правовую санкцию и кратко определить ее природу (с этой целью в тексте была сделана отсылка к п. 1 ст. 330 ГК РФ).

Фактически весь институт судебной неустойки был выстроен позже, в течение нескольких заседаний рабочей группы по подготовке проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обяза-

тельств», когда члены этой группы, обсуждая различные практические аспекты возможного применения закрепленной в законе санкции, подробно описали основания ее применения, основания освобождения от взыскания судебной неустойки и правила исполнения судебного акта, в котором такая неустойка предусмотрена. С удовлетворением следует отметить, что положения п. 1 ст. 308.3 ГК РФ успешно применяются судами.

Несколько слов надо сказать и о **просчетах** при совершенствовании ГК РФ – крупных и незначительных. Это, конечно, слова сожаления, так как, будучи участником подавляющего большинства процессов, происходящих в отечественном гражданском законодательстве в последнее время, автор этих строк вместе со своими коллегами в какой-то мере отвечает за такие просчеты.

К ним относятся, прежде всего, упущения, которые носили во многом технический характер. Так, при вынесении самого первого блока законопроекта № 47538-6 на рассмотрение во втором чтении сводная рабочая группа, образованная в профильном Комитете, оставила в его переходных нормах те положения, которые были рассчитаны отчасти и на реформу вещного права, в том числе положения о том, что договоры аренды недвижимого имущества не требуют государственной регистрации. Применение этого положения на практике означало бы, что сведения о факте заключения договора аренды недвижимого имущества будут недоступны третьим лицам. В условиях, когда договор аренды недвижимости на протяжении практически 30 лет заменяет собой ограниченные вещные права, это имело бы катастрофические последствия для гражданского оборота. Законодателю пришлось оперативно вносить изменения в указанные переходные положения, исключая из них положения о договоре аренды¹.

Ошибкой (хотя и безвредной) было включение в ГК РФ института безотзывной доверенности, который был запланирован в качестве современного инструмента предупреждения конфликтов, в особенности в корпоративных правоотношениях (ст. 188.1 ГК РФ). Удивительно, но эта бесполезная, в общем-то, конструкция долгое время была предметом ожесточенных дебатов и «торга»: ее сторонники утверждали, что с помощью безотзывной доверенности можно заставить выдавшую доверенность сторону корпоративного договора исполнять принятое

---

¹ См. ст. 3 Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 21-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

на себя обязательство и не голосовать вопреки условиям договора на общем собрании акционеров (участников общества), а противники модели говорили, что обещание не отменять полномочие представителя противоречит сути представительства и ограничивает правоспособность представляемого. Итогом дебатов стало правило о том, что такая доверенность может быть отменена в случае злоупотребления представителем своими полномочиями, равно как и при возникновении обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что данное злоупотребление может произойти (абз. 2 п. 1 ст. 188.1 ГК РФ). Увы, во время этих споров не было слышно ни слова о том, что представляемый может осуществить свое право своими действиями, например, явившись на собрание акционеров (участников общества) вместе с представителем, действующим по доверенности, и проголосовав лично, своей волей и в своем интересе. Такое поведение, фактически аннулирующее безотзывную доверенность, не было предсказано в ходе обсуждений.

И все же наиболее неожиданным и болезненным для многих участников работы над проектом модернизации оказался провал блока норм о вещных правах. После того, как эти нормы были приняты Госдумой в первом чтении в составе законопроекта № 47538-6, они дорабатывались дважды — в 2012 г. и в 2019 г.¹ Не так давно из этих норм был выделен небольшой фрагмент, посвященный понятию недвижимого имущества и вещным правам на помещения, этот фрагмент оформлен как самостоятельный законопроект и предложен Госдуме к принятию².

Вещное право — самый большой по размеру и самый принципиальный блок законопроекта о модернизации ГК РФ, способный развернуть течение юридического быта столь же сильно, как может сделать это принцип добросовестности. Многие современные российские авторы настойчиво говорят и пишут о необходимости принятия этого блока норм, в их числе Е.А. Суханов, который дает подробный анализ положений этой части законопроекта и весомые аргументы в их пользу³.

---

¹ 6 декабря 2019 г. на выездном заседании Совета по кодификации, прошедшем в Казани, была одобрена уточненная редакция этого блока норм, см.: <https://privlaw.ru/povestka-47/>.

² К моменту выпуска этого издания данный законопроект принят в виде упомянутого выше Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

³ Суханов Е.А. Проблемы реформирования вещного права // Закон. 2018. № 12. С. 46–52.

В разделе законопроекта, посвященном вещным правам, расположены прежде всего положения о владении. В этом смысле первые строки этого текста напоминают начало книги III Германского гражданского уложения, что, разумеется, вовсе не случайно.

Институт защиты владения, о необходимости которого все сказано известным русским ученым И.А. Покровским¹, оказался, к сожалению, самым непонятым со стороны огромной армии российских юристов. На данном этапе для подавляющего большинства интересы защиты собственности стоят выше уважения к человеческой личности, о котором писал И.А. Покровский, однако представляется, что слишком строго современное правосознание нельзя осуждать, ведь оно лишь отражает тот социально-экономический уклад, в котором существует, реагирует на те тревоги и помыслы, которые волнуют большинство россиян. Не будучи уверенными не только в завтрашнем дне, но и в справедливом к ним отношении со стороны юрисдикционных органов, собственники не готовы оставить в прошлом практику самоуправства и по-прежнему считают возможным и допустимым применение силы для восстановления собственного владения.

Другим не сделанным законодателем до сей поры шагом могло бы быть введение в ГК РФ развернутой системы ограниченных вещных прав, заменяющих собой прежде всего аренду государственных и муниципальных земель — инструмент смешанной природы, заполнивший тот вакуум, который образовался в середине и конце 1990-х в результате принятия ч. I ГК РФ и частичного вовлечения в гражданский оборот земельных участков.

Осуждать разработчиков проекта ч. I ГК РФ за то, что они не смогли в 1994 г. предложить законодателю спектр ограниченных вещных прав на землю или не сумели убедить его в важности эти инструментов, не имеет права никто. В.Ф. Яковлев в одном из своих выступлений сказал: «Создавая тогда модель Гражданского кодекса, мы еще по существу не имели опыта регулирования рыночных отношений»². Более того, социально-политическое поле начала 1990-х просто не предполагало возможности массового вовлечения земельных участков в гражданский оборот, эту задачу не смог решить даже невероятно смелый Указ Пре-

---

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 223–235.

² Выступление на Международной научно-практической конференции в рамках ежегодных ювистических чтений, посвященных году «Германия в Казахстане 2010», Алматы, 13–14 мая 2010 г., см.: Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М., 2012. С. 875.

зидента РФ от 27 октября 1993 г. № 1767 «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России».

Полноценный вещно-правовой инструментарий был предложен законодателю только в ходе модернизации ГК РФ. В нем содержались главы о праве постоянного землевладения, праве застройки, сервитутах, о праве личного пользования, об ипотеке, о праве приобретения чужой недвижимой вещи, о праве вещной выдачи, праве оперативного управления, праве ограниченного владения земельным участком.

Версия законопроекта № 47538-6, подготовленная после его принятия в первом чтении с учетом поступивших в Госдуму поправок, уже к осени 2012 г. содержала довольно развернутые переходные положения, позволяющие почти автоматически превратить прежние квазивещные права в полноценные ограниченные вещные права. Так, например, арендатору государственного или муниципального земельного участка, завершившему строительство на нем, проект предоставлял право требовать по своему выбору приобретения права собственности на земельный участок, права застройки либо горного или коммунального сервитута. Однако эти предложения никого не прельстили.

Любопытная деталь: в тот момент, когда наши коллеги-цивилисты, которые помогали рабочей группе по созданию международного финансового центра, убеждали В.В. Витрянского и других членов Совета по кодификации расширить проект модернизации за счет новых инструментов обязательственного и корпоративного права, сделать эти сферы частного права более гибкими и отвечающими запросу экономики, никто из этих цивилистов, выступающих за более смелую реформу частного права, не говорил о вещном праве, не предлагал улучшить эту часть проекта или доработать ее недостатки. Как видится, это объясняется лишь тем, что потребности в изменении вещных правоотношений к 2011–2012 гг. не сложилось.

Напротив, когда на площадке Высшего Арбитражного Суда РФ в 2012 г. проходили заседания подгруппы по доработке ко второму чтению блока норм о вещном праве, немало слов от юристов, представляющих крупных обладателей линейных объектов, застройщиков или горнорудные компании, звучало в пользу максимально возможного сохранения, консервации сложившегося правового регулирования.

Они в значительной мере ссылались на то, что **за счет норм земельного, природоресурсного и градостроительного законодательства уже сформированы привычные для них правила взаимодействия с государством, в собственности которого по-прежнему продолжает оставаться подавляющее большинство земель в России.** Такая разновидность обще-

ственного договора, по всей видимости, стала объективной социально-экономической реальностью, для замены которой еще не появились в достаточной мере сильные причины.

Представляется, что названное обстоятельство в первую очередь повлияло на судьбу подготовленного в 2012 г. текста проекта по вещному праву. Более того, в 2014–2016 гг. усилиями экономического блока Правительства РФ было изменено земельное и градостроительное законодательство, и о корректировке разд. II ГК РФ на некоторое время все забыли. Попытка привлечь интерес к реформе вещного права, предпринятая Советом по кодификации в 2021 г., тоже рискует не увенчаться успехом, если на такое изменение до сих пор не сформирован запрос со стороны тех, в чьем обладании находится недвижимость.

Еще один просчет – недооценка того факта, что к моменту начала модернизации ГК РФ в России действовало несколько сотен федеральных законов, содержащих отдельные нормы гражданского права или состоявших в значительной мере из таких норм. Это сыграло злую шутку с самой модернизацией.

Не оправдалось довольно легкомысленное предположение о том, что нормы гражданского права, ранее включенные в иные федеральные законы, сами собой утратят силу в связи с обновлением ГК РФ, а их поиск в теле российского законодательства и удаление (замена) не потребуются. Содержавшееся в ст. 4 Федерального закона от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» техническое решение, сработавшее в 1995 году («впредь до приведения законов и иных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации, в соответствие с частью первой Кодекса законы... применяются постольку, поскольку они не противоречат части первой Кодекса»), оказалось невозможно использовать вновь. Система российского законодательства, которая стала разветвленной и довольно масштабной, а также приобрела неисчислимый массив подзаконных актов, жестко связанных с терминологией федеральных законов и номерами их статей, к 2010–2012 гг. оказалась еще и достаточно инертной, не готовой к «самоочистке».

Во-первых, как уже отмечалось, наличие огромного массива норм частного права (или тесно связанных с частноправовыми институтами норм публичного права), принятых ранее и создавших основу для функционирования экономических систем, а также установивших более или менее равновесное положение в отношениях между государ-

ством и субъектами частного права, не стоило упускать из внимания в ходе реформы вещного права.

Во-вторых, нельзя было игнорировать то обстоятельство, что все до единой коммерческие корпорации в России к 2012 г. «свыклись» с нормами Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также с теми правовыми позициями, которые на базе этих норм выработали судебные инстанции. Более того, к этому времени в корпоративном законодательстве появилось немало новых (по сравнению с 1995–1998 гг.) норм и институтов, в том числе, например, институт акционерного соглашения. Федеральные законы от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО) и от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО), уже тогда будучи *lex specialis* по отношению к ГК РФ, практически в полной мере охватывали все необходимые для жизни хозяйственных обществ вопросы.

Рассчитывать на то, что после внесения поправок в гл. 4 ГК РФ Закон об АО и Закон об ООО частично утратят силу, или на то, что иные лица, в чьи обязанности входит систематизация законодательства, приведут эти законы в полное соответствие с ГК РФ, нельзя было ни в коем случае. То обстоятельство, что разрабатываемый по поручению Правительства РФ проект о «гармонизации» норм корпоративного права, поручение о подготовке которого было дано Министерству экономического развития РФ сразу же после внесения изменений в гл. 4 ГК РФ в 2014 г., к 2021 г. не только не принят, но даже не согласован с основными ведомствами, говорит о многом.

Риск утратить стабильность в регулировании корпоративных отношений был в 2014 г. для законодателя настолько силен, что ему пришлось существенным образом изменить заложенный в проекте модернизации ГК РФ подход и отказаться от идеи «обнуления» норм о юридических лицах, содержащихся в иных федеральных законах и вступающих в противоречие с обновленным ГК РФ.

Уже перед самым вторым чтением блока норм о юридических лицах в ст. 49 ГК РФ (проектную ее редакцию) был добавлен п. 4, который в настоящее время (после дополнительной корректировки в 2015 г.) звучит так: «Гражданско-правовое положение юридических лиц и порядок их участия в гражданском обороте (статья 2) регулируются настоящим Кодексом. Особенности гражданско-правового положения юридических лиц отдельных организационно-правовых форм, видов

и типов, а также юридических лиц, созданных для осуществления деятельности в определенных сферах, определяются настоящим Кодексом, другими законами и иными правовыми актами».

Формула «особенности гражданско-правового положения» позволяет правоприменителю практически в полной мере продолжать опираться на нормы специальных законов. К числу таких законов относятся, в частности, Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» и Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях», в которые законодатель не вносил и не планирует вносить изменения, направленные на приведение этих законов в соответствие с ГК РФ. Все созданные ранее религиозные организации, общественные объединения, политические партии, союзы и другие некоммерческие организации, а также такие организации, вновь созданные после 2014 г., руководствуются в своей деятельности в основном специальным законодательством.

Повествование о новейшей истории частного права в России было бы неполным без анализа тех **изменений, которые вносились в ГК РФ не в связи с инициированной Советом по кодификации модернизацией** (выше частично упоминалось о них применительно к защите интересов добросовестных приобретателей).

Речь идет о реформе наследственного права (в данном случае говорить именно о реформе, пожалуй, есть основания), о включении в ГК РФ модели личного (наследственного и прижизненного) фонда, о появлении в ГК РФ некоторых положений, адаптирующих частноправовые институты к цифровой среде, а также о начатой и проводимой в эти дни реформе семейного законодательства в части регулирования имущественных правоотношений супругов¹. Сложно выступать объективно в отношении этих новелл, будучи одним из их инициаторов, но если попытаться оставить в стороне сопутствовавшие их принятию споры, то хотелось бы утверждать, что их появление в ГК РФ позволило вселить во многих участников частноправовых отношений надежду, дать им инструменты для долгосрочного планирования.

---

¹ Написать подробно об этой реформе в рамках настоящей статьи не представляется возможным. Ее описание и обоснование представлено в пояснительной записке к проекту федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», см. также: *Михеева Л.Ю.* Перспективы развития семейного права на рубеже десятилетий // Семейное и жилищное право. 2020. № 3. С. 3–5.

Сказанное относится прежде всего к тем изменениям, которые затронули наследственное право России. В течение двух лет с 2016 по 2018 г. российский законодатель принял четыре федеральных закона, благодаря которым в ч. III ГК РФ появились усовершенствованные правила об охране и управлении наследственной массой, наследственный договор и совместное завещание супругов. В пояснительной записке к одному из этих законопроектов отмечалось: «необходимость введения в российское наследственное право указанных новелл продиктована стремительным развитием экономических отношений, усложнением состава наследственной массы в большинстве случаев наследования, а также все большим вовлечением российских граждан в предпринимательские отношения, требующие особых правил об управлении долями (акциями) в хозяйственных обществах после смерти участников»¹.

К сожалению, в случае с моделями наследственного договора и совместного завещания результатом законодательного процесса стал компромисс между желанием придать силу договоренностям между членами семьи, сформированным на случай смерти одного или нескольких ее членов, и опасением нарушить интересы будущего наследодателя в случае, если указанные договоренности перестают удовлетворять его еще при жизни. Российский законодатель предоставил наследодателю «право передумать», разумеется, еще при жизни и в одностороннем порядке в любое время распорядиться своим имуществом, совершить отказ от наследственного договора (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ), а равно отменить совместное завещание (п. 4 ст. 1118 ГК РФ). Первоначальная версия поправок к ГК РФ, предложенная законодателю, таких норм не содержала.

Эта весьма серьезная корректировка изначально задуманных моделей совместного завещания и наследственного договора разочаровала тех, кто планировал ими воспользоваться, а также подверглась критике в литературе. Особенно сильно (и справедливо) критикуется наследственный договор, который в российском праве не приобрел тех свойств, что присущи его зарубежным аналогам, и не создал таких

---

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в часть первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

О причинах, побудивших законодателя внести соответствующие изменения, см. также: *Михеева Л.Ю.* Институт охраны наследства и управления им: пути совершенствования // Актуальные вопросы наследственного права / Ю.Б. Гонгало, П.В. Крашенинников, И.Б. Миронов и др.; Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 14–29.

гарантий для наследников и отказополучателей, которые могли бы удовлетворить их интересы¹.

В связи с этим гораздо больший оптимизм вызвала модель наследственного фонда – пожалуй, самая неожиданная для российского правового новелла (с точки зрения накопленных за 30 лет развития частного права в России подходов, идей и учений). Наследственный фонд – своеобразный насцитурус, юридическое лицо, решение о создании которого принято и полноценно оформляется наследодателем при жизни, но вступает в силу после его смерти. Государственная регистрация наследственного фонда производится на основании действий нотариуса, исполняющего завещание с условием об учреждении наследственного фонда. Зарегистрированный в реестре юридических лиц наследственный фонд вступает в наследственное правоотношение как один из наследников по завещанию, что дает возможность передать такому фонду практически все имущество (с учетом действия правил об обязательной доле, которые для этого случая были изменены, – п. 5 ст. 1149 ГК РФ).

Наследственный фонд осуществляет управление полученным по завещанию имуществом в полном соответствии с волей наследодателя, так как подчиняется составленным при жизни наследодателя условиям управления, которые никто не вправе изменить (небольшие исключения из этого правила указаны в п. 5 ст. 123.20-1 ГК РФ). Условия управления могут предусматривать выдачи как в пользу определенных выгодоприобретателей, так и в пользу лиц, которых можно особым образом определить (п. 4 ст. 123.20-1 ГК РФ).

Поскольку фонд (как общественно полезный, так и личный – посмертный или прижизненный) вправе заниматься предпринимательской деятельностью, т.е. извлекать прибыль из управления имуществом, отнесение его к группе некоммерческих юридических лиц в действительности не имеет под собой никаких оснований. Впрочем, следует учесть, что столь же безосновательно относить к некоммерческим юридическим лицам целый ряд иных организационно-правовых форм, которым законом прямо предоставлено право заниматься предпринимательской деятельностью, – государственные корпорации, общественные и религиозные организации (объединения), общины коренных малочисленных народов, казацки общества, некоммерческие

---

¹ Д.В. Лоренц в своей статье провел сравнительный анализ наследственного договора по российскому праву и по праву некоторых европейских стран и пришел к аналогичным выводам; см.: *Лоренц Д.В.* Наследственный договор: подход континентального права // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2020. № 2. С. 105–129.

партнерства, автономные некоммерческие организации. Представляется, что это свидетельствует о кризисе доктрины юридических лиц, в которой по-прежнему господствует дихотомия «коммерческие — некоммерческие», на практике с годами утратившая свое значение.

Модель наследственного фонда представляет собой еще и вызов сложившимся за многие десятилетия в российском праве принципам справедливого наследования, которые предполагали не только усе-чение воли завещателя за счет правил об обязательной доле, но и безусловный переход права собственности к наследникам — последние, вступая в наследство, вправе немедленно распорядиться имуществом или совершить иные действия своей волей и по своему усмотрению. Сформированные к 2001 г. правила об обязательной доле (ее размер был уменьшен по сравнению с тем, что был предусмотрен ГК РСФСР 1964 г.) представляли собой тот баланс между индивидуалистскими началами и социальной справедливостью, который к моменту принятия ч. III ГК РФ считался оптимальным.

Вооружившись свободой завещания, расширенной за счет последних изменений наследственного права, и используя конструкцию наследственного фонда, завещатель заставляет наследника выбирать между статусом выгодоприобретателя фонда и обязательной долей (она уменьшена до средней величины расходов и уровня жизни наследника до смерти наследодателя). Диктуя наследственному фонду то, кому из членов семьи или посторонних лиц, когда и сколько должно быть выдано, **наследодатель как бы простирает свою волю далеко за пределы своей смерти, на много десятилетий вперед, а не лишь на ближайшие полгода после открытия наследства.** Нет сомнений: для российского права это революционная новелла.

Столь же неожиданный и реформаторский характер носят поправки к ГК РФ, которыми с 1 марта 2022 г. вводятся положения о прижизненном личном фонде (Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в части первую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»). В результате этих преобразований общественно полезные фонды (привычные российскому праву модели, в рамках которых организована, прежде всего, благотворительная деятельность) противопоставлены личным фондам, создаваемым учредителем, который продолжает влиять на деятельность фонда и фактически может им управлять через тех менеджеров, которых он назначает в состав органов фонда. Как и в случае с посмертным (наследственным) фондом, единственной целью деятельности прижизненного фонда является управление имуществом на указанных учредителем условиях.

Как только первые предложения о введении данной модели были представлены законодателю¹, послышались высказывания о том, что в российском праве появится некая разновидность траста². Представляется, что такие суждения верны лишь в малой части, прежде всего потому, что личному фонду (прижизненному и наследственному) не свойственна полная конфиденциальность: сам факт создания фонда, имя его учредителя, сведения о единоличном исполнительном органе открыты для всеобщего ознакомления в Едином государственном реестре юридических лиц.

Другие свойства трастов и трастоподобных конструкций следует за личными фондами отчасти признать. Модель фонда допускает переход прав на имущество учредителя к другому лицу и в то же время не предполагает, что получившее имущество лицо (фонд) действует как собственник, напротив, фонд полностью связан в своих действиях волей учредителя, который руками фонда направляет всю или часть имущества бенефициарам или, наоборот, запрещает выдачи, требуя умножать и сохранять имущество фонда. Разумеется, представители российского бизнеса, причем не только крупного, восприняли с энтузиазмом это нововведение, позволяющее управлять бизнес-активами «удаленно», через доверенных лиц, без рисков, сопряженных с фиксацией прав на эти активы за их изначальным владельцем.

В ходе процедур второго чтения законопроекта о личных фондах его текст был снабжен некоторыми ограничениями, продиктованными необходимостью предупредить недобросовестные действия учредителя фонда, направленные против интересов его кредиторов. В итоге в ГК РФ появился п. 6 ст. 123.20–4, в соответствии с которым учредитель личного фонда несет субсидиарную ответственность по обязательствам этого личного фонда при недостаточности его имущества, а личный фонд, за исключением наследственного фонда, несет субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам учредителя личного фонда в течение трех лет со дня его создания. В исключительных случаях, если кредиторы личного фонда или учредителя личного фонда по уважительным причинам не имели возможности обратиться с требованиями к учредителю личного фонда или лично-

---

¹ См. проект федерального закона № 499538-7 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и пояснительную записку к нему.

² Журнал «Закон» даже провел опрос ряда цивилистов, попросив их сравнить российскую модель фонда с трастами. См.: Крашенинников П.В. и др. Наследственный фонд: альтернатива трастам в российском праве? // Закон. 2018. № 9. С. 18–38.

му фонду в течение указанного срока, этот срок может быть продлен судом, но не более чем на пять лет со дня создания личного фонда.

Эти характерные черты личных фондов по российскому праву и целый ряд других их особенностей позволяют утверждать, что эта модель уникальна и не представляет собой ни аналог *trust*, ни копию *Stiftung*.

Вызовами времени были продиктованы также поправки, внесенные в ГК РФ на фоне накрывшей страну «цифровой» волны: была утверждена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹, был внесен в Государственную Думу разработанный Министерством финансов России проект закона о так называемых цифровых финансовых активах², оказавшийся худшим образцом законоотворчества за последние несколько лет. Появились обоснованные опасения в том, что в федеральных законах, не относящихся к сфере гражданского права, окажутся частноправовые по природе нормы и конструкции, не укладывающиеся в систему объектов гражданского права и систему гражданских прав, в том числе по причине использования в таких нормах чуждой Кодексу лексики.

Это обстоятельство вызвало к жизни разработку и принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который ввел в перечень объектов гражданских прав такую разновидность имущественного права (требования), как цифровое право (юридический аватар токена), приравнял к простой письменной форме сделки удаленное выражение воли посредством цифровых технологий, а также допустил возможность исполнения обязательства без направленного на исполнение отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки (исполнение так называемого смарт-контракта). Подробное объяснение необходимости дополнения ГК РФ этими новеллами было дано в пояснительной записке к законопроекту № 424632-7, которая в некоторой степени выполняла функцию концепции проекта.

Применительно к тому, **оказало ли какое-то влияние иностранное право на результаты модернизации ГК РФ**, надо с уверенностью признать, что оно, разумеется, было оказано, как и в самом начале ста-

---

¹ Протокол заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

² Проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах».

новления частного права России. Однако в случае с модернизацией ГК РФ речь шла не о рекомендациях внешних консультантов, а о поиске самими российскими цивилистами зарекомендовавших себя норм и конструкций в зарубежном праве, по большей части в праве Германии.

В первые месяцы после принятия той или иной поправки к ГК РФ при их обсуждении на различных конференциях и форумах нередко можно было услышать споры о том, насколько удачными оказались попытки российского законодателя позаимствовать тот или иной англо-американский или германский образец. Действительно, в целом ряде случаев взгляд на отдельные институты или нормы, оказавшиеся в ГК РФ, давал читателю, не погруженному в детали работы над законопроектом, основание судить о том, что они если и не являются результатом прямой рецепции, то по меньшей мере представляют собой «клоны» зарубежных аналогов.

Так, например, подавляющее большинство практикующих юристов не улавливали смысла в формуле «заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки» (п. 5 ст. 166 ГК РФ), которая для них звучала как дословный перевод с немецкого языка. Непривычность оборота речи «заявление не имеет правового значения» не позволяла многим сразу понять его, хотя норма в целом имеет довольно простой и внятный смысл: речь в ней идет о том, что суд отказывает в защите права тому лицу, недобросовестность поведения которого доказана (отказывает в иске или отказывается принимать во внимание возражения по иску)¹. Наверняка в тексте обновленного Кодекса найдутся и иные примеры «частичек» немецкого.

Более яркой «иностранный» страничкой в истории отечественного частного права оказалась ст. 406.1 ГК РФ, которую сразу же после ее появления в проекте модернизации окрестили *indemnity*. Надо признать, что в этом случае имела место попытка прямого включения в ГК РФ англо-американской конструкции и она была напрямую

---

¹ Спустя два года после включения этого положения в ГК РФ Верховный Суд РФ справедливо указал на то, что, не придавая правового значения заявлению стороны спора, суд отказывает этой стороне в защите права полностью или частично (п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

связана с привлекательностью такого инструмента, как *indemnity*, оцениваемого, как водится в России, вне контекста той правовой системы, в которой этот инструмент создан и развивается. На многочисленных совещаниях и рабочих встречах нас убеждали в том, что стороны сделок должны иметь возможность подстраховаться и распределить между собой определенные риски, сопровождающие обязательство на стадии его исполнения или даже после его прекращения, таким образом, какой они считают для себя справедливым.

Действительно, оказавшиеся в ст. 406.1 ГК РФ нормы впервые в истории отечественного права дали сторонам обязательства возможность своим соглашением предоставить одной из сторон не требование о взыскании неустойки и даже не требование о взыскании убытков в заранее исчисленном размере, а требование о безусловной выплате определенной суммы в случае наступления определенного обстоятельства, не связанного с неправомерным поведением плательщика, т.е. такого обстоятельства, которое не является основанием ответственности плательщика. В п. 2 этой статьи было дополнительно указано, что суд не может уменьшить размер возмещения потерь, за исключением случаев, если доказано, что сторона умышленно содействовала увеличению размера потерь. Вместе с тем запланированный при принятии этой статьи безусловный характер предложенного инструмента был существенным образом скорректирован за счет разъяснений, данных в п. 15–18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»¹.

В случае с попыткой имплементации модели *indemnity* в российское частное право мы наблюдали как восторженное одобрение развернутых положений ст. 406.1 ГК РФ, так и опасения в том, что эта конструкция будет использоваться с недобросовестными целями, в частности, во вред интересам кредиторов плательщика потерь (как формальное прикрытие для необоснованного платежа). Такого же рода опасения вынудили высшую судебную инстанцию существенным образом скорректировать безусловный характер платежа за отказ договора (п. 3 ст. 310 ГК РФ). В п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих

---

¹ Подробнее об этом см.: Мухеева Л.Ю. Возмещение потерь, не связанных с нарушением обязательства: некоторые практические рекомендации сторонам обязательств // Хозяйство и право. 2016. № 9. С. 25–34.

положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» указаны основания для того, чтобы суд отказал во взыскании этой суммы полностью или частично.

Если попытаться ответить на вопрос о том, насколько текущее состояние гражданского права России близко к зарубежным аналогам и является ли оно их копией, то надо заключить, что **ГК РФ стал вещью в себе, он мало похож на Германское гражданское уложение, Гражданский кодекс Нидерландов или Гражданский кодекс Франции, хотя невероятно близок к ним по духу. В ГК РФ нет полностью заимствованных англо-американских или западноевропейских конструкций, а те модели, которые напоминают зарубежные аналоги, представляют собой нечто авторское, новаторское и адаптированное к российской правовой идеологии.**

О посланиях частного права субъектам экономических отношений

Возвращаясь к попытке дать емкую характеристику результата труда группы разработчиков поправок, законодателя, комментаторов Кодекса и представителей судебной системы, которые, имея подчас разные цели, строили нормы частного права и основанные на них правовые позиции, следует заключить, что у этой полученной нами довольно эклектичной картины есть несколько ярких мест, которые можно расшифровать как послания современного правопорядка тому социуму, которым этот правопорядок пытается управлять и который он стремится упорядочить.

К числу **первых** следует отнести тезис о необходимости добросовестного поведения, о неотвратимости санкций за недобросовестность.

В самые первые месяцы после введения в п. 3 ст. 1 ГК РФ требования о добросовестном поведении главным вопросом, который ставили перед разработчиками участники всевозможных форумов, конференций и семинаров, был вопрос об определении понятия «добросовестность» и о критериях недобросовестного поведения. Мало кого вдохновляла мысль о том, что понятие это витает в воздухе и относится к числу тех правовых категорий, которые не требуют легальных определений, потому что содержание их очевидно.

Проповедуя новый (главный) принцип частноправового регулирования, по существу являющийся желаемым с точки зрения права принципом построения экономических связей, все мы в течение этих

восьми лет убеждаем, упрощаем и предупреждаем об ответственности, заставляя окружающих поверить в неизбежную необходимость стать честными, порядочными и предупредительными по отношению к контрагентам и иным лицам.

Однако в действительности важно придерживаться этого правила не из страха ответственности, а по иной причине — добросовестное поведение выгодно для самого субъекта. Порядочное, честное, добросовестное поведение является рациональным, т.е. в каком-то смысле выгодным, прагматичным, и в отдаленной перспективе принесет пользу самому субъекту. Эта идея становится сегодня одной из главных задач академических проповедей. **Новизна подхода в этом случае может быть показана через переход от слова «надо» к слову «полезно»** в известной идее о необходимости следования неким универсальным вневременным правовым принципам, диктуемым самой природой человека¹.

Удивительным образом принцип добросовестности стал выходить за отведенные ему рамки частнопредметной сферы, **его глубокая философия и мощная практическая сила стали настолько привлекательными для судебной системы**, что этим принципом было предложено вооружить суды даже при рассмотрении требований антимонопольных органов (во многом на нем построены разъяснения, данные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»).

Представляется, что это не конец истории, и нашему правопорядку, традиционно и подчас консервативно дробящему систему права на публичное и частное, придется столкнуться с проникновением гражданско-правового требования о добросовестном поведении в сферу налогового, административного и иного публичного законодательства.

Это, в свою очередь, означает, что субъектам права, подвергающимся воздействию кары за свою недобросовестность, придется следовать новой философии из веры в нее или из опасения санкций, или по обеим причинам. **Добросовестность призвана стать в праве нашей новой «религией», но успешность этого проекта во многом (если не цели-**

---

¹ Подобного рода суждения высказывает в своей докторской диссертации также А.В. Коновалов, который отталкивается от идей современных философов о приоритете рациональности, в том числе ссылается на Э. Уэйриба, который пишет об имманентной моральной рациональности частного права, см.: *Коновалов А.В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования*: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 142, 167–169, 215, 326 и др.

ком) зависит от того, чем закончится текущий политэкономический цикл и каким будет следующий.

Вторым посланием, менее внятным, чем первое, можно было бы назвать **обещание отечественного правопорядка признавать автономию воли субъектов частноправовых отношений и не позволять суду пересматривать принимаемые этими субъектами решения**, признавая недействительными их сделки по собственной инициативе или переквалифицируя их в соответствии с тем, что в правовых позициях ВАС РФ называлось «действительный экономический смысл» сделки, изменяя размер предусмотренных договором санкций или иным образом полностью или частично отказывая в удовлетворении требований, основанных на договоре.

На этом обещании зиждется вся надежда субъектов предпринимательской деятельности, стремящихся преобразовать свою инициативу в прибыль, на этом обещании строится весь расчет их (увы) недолгосрочных проектов.

Здесь хотелось бы вернуться к известному высказыванию С.С. Алексеева о том, что ГК РФ — это экономическая Конституция¹. Конституционная реформа 2020 г., не оставившая равнодушным никого из российских юристов, как представляется, предельно доходчиво подтвердила значение этих слов. Дело в том, что поправки, внесенные в Конституцию РФ, в гораздо меньшей степени затронули социально-экономическую жизнь в сравнении с теми поправками, которые предлагались к внедрению в частноправовое поле в 2012 г. или предлагаются сейчас (здесь уместно вновь упомянуть о возобновлении в 2021 г. попыток вынести на рассмотрение Госдумы проект модернизации вещного права). Преобразование правовых основ ведения предпринимательской деятельности или отношений собственности способно гораздо сильнее повлиять на стабильность в обществе, чем изменение, например, компетенции органов государственной власти и местного самоуправления. Во всяком случае, так представляется автору этих строк, участвовавшему лично во всех этих модернизационных процессах.

Именно по этой причине надо признать, что «экономическая конституция» в действительности представляет собой наиболее важный источник права и требует соответствующего к себе уважения.

---

¹ Алексеев С.С. Гражданский кодекс. Заметки из истории подготовки проекта. Замечания о содержании Кодекса, его значении и судьбе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С.А. Хохлова / Отв. ред. А.Л. Маковский. М., 1998. С. 26.

Содержащиеся в ней нормы (прежде всего нормы, позволяющие осуществлять свои права своей волей и в своем интересе, совершать сделки как предусмотренные, так и не предусмотренные законом, определять условия соглашений исключительно по усмотрению сторон, отступая от предписаний закона, если такие отступления не затрагивают интересы третьих лиц или публичные интересы, связывать развитие обязательства с поведением сторон или третьих лиц)¹ оказывают огромное значение, может быть, даже прежде всего психологическое, на участников гражданско-правовых отношений. **Субъекты частного права начинают в эти нормы верить, тем самым умножая силу писаного права.**

Вместе с тем опыт 2014–2016 гг. (период, когда завершалась работа над модернизацией обязательственного права и начиналась работа по официальному толкованию обновленных положений ГК РФ) не дает достаточных оснований для оптимизма в отношении того, что включенные в ГК РФ новые гибкие, диспозитивные правила будут применяться в том их значении, которое увидели для себя субъекты экономических отношений.

Выше приводились примеры того, как в актах официального толкования в отношении некоторых новелл обязательственного права, вопреки их буквальному смыслу, судам предлагалось отступать от содержания соглашений и полностью или частично отказываться в применении их последствий. Думается, что это закономерный ответ правопорядка на тотальную недобросовестность, царящую в хозяйственных связях. Немалое значение при этом играет растущая практика банкротств² и те злоупотребления должников, которые суды вскрывают в ходе рассмотрения банкротных дел. Недаром Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» превратился фактически в автономный кодекс, внутри которого со временем сформировались не только свои институты оспаривания сделок и сделкоподобных действий, свои процессуальные правила, но также и презумпции, отличные от содержащегося в п. 5 ст. 10 ГК РФ правила о предполагаемой добросовестности.

¹ В последнем случае имеется в виду положение ст. 327.1 ГК РФ, допускающей возможность поставить исполнение обязанностей, а равно и осуществление, изменение и прекращение определенных прав по договорному обязательству в зависимость от совершения или несоблюдения одной из сторон обязательства определенных действий либо наступления иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон.

² По данным Федресурса, в настоящее время в стране более 150 000 компаний-должников и более 460 000 должников-граждан: <https://bankrot.fedresurs.ru/>.

Ввиду таких обстоятельств данное законодателем обещание **придерживаться принципа автономии воли звучит не вполне уверенно, ведь правопорядок часто вынужден ограничивать усмотрение сторон сделок, реагируя на привычную для подавляющего большинства субъектов частного права недобросовестность.**

Третьим, оставшимся еще менее заметным, тезисом, направленным в адрес сторон частноправовых отношений, стала идея о недопустимости неуважения к суду (как отмечалось выше, в самом широком смысле).

Надо отметить, что в первоначальной версии проекта № 47538-6, внесенной в Государственную Думу и принятой в первом чтении, не было и речи о так называемой судебной неустойке. Упоминание о ней было добавлено в ст. 308.3 ГК РФ при доработке блока обязательственного права в 2015 г., практически перед окончательным принятием, и это дополнение было одним из немногих, не вызвавших никакого отторжения у Верховного Суда РФ, куда направлялись для оценки новые редакции всех без исключения блоков законопроекта, подготовленных к принятию Госдумой. Предложение добавить упоминание о сумме, которая взыскивается в пользу истца с того ответчика, который не исполняет судебное решение о понуждении к исполнению в натуре, было поддержано практически единодушно.

Позже нам удалось наблюдать и то, с каким энтузиазмом придерживали эту меру ответственности, малоизвестную современному российскому правопорядку, члены группы по подготовке Пленума об ответственности. Общая решимость объяснялась очень просто: заключенная в п. 2 ст. 308.3 ГК РФ судебная неустойка воспринимается как кара за неуважение к суду, к вынесенному им акту, наблюдаемое в практике столь же часто, как недобросовестность сторон гражданских правоотношений по отношению друг к другу.

Вероятно, коллеги — российские цивилисты — продолжили бы перечень тех посланий, которые всякий субъект экономической деятельности может считывать напрямую из текста ГК РФ или искать между его строк. Они будут менее масштабны, чем предыдущие, но по своему значимы.

Представляется, что таким тезисом можно считать правило о невозможности отказа в иске о взыскании убытков лишь на том основании, что их размер не доказан с разумной степенью достоверности (п. 5 ст. 393 ГК РФ). Формулируя новое правило («суд не вправе отказать в удовлетворении требования»), разработчики проекта модернизации ГК РФ неосознанно показали причину его появления в Кодексе, под-

черкнув бессилие изначально существовавших в ГК РФ вполне полноценных правил о размере убытков и принципе полного восстановления нарушенного права (ст. 15 ГК РФ, прежняя редакция ст. 393 ГК РФ) перед судом, опасаящимся удовлетворить иск об убытках, в обоснование которых не положен бесспорный расчет и сопутствующие этому расчету письменные доказательства.

Между тем практика последних лет показывает: одних только этих слов, адресованных законодателем судам, недостаточно, пусть даже слова эти подкреплены авторитетом высшей судебной инстанции (в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» они воспроизводятся). Как видится, для реализации этого правила нужно предпринять гораздо больше усилий, которые должны быть нацелены на обеспечение независимости суда и подчинение его только закону.

Вместо выводов

В этой статье речь идет об эволюции отечественного частного права на протяжении последних десятилетий, и, как выше уже было сказано, участники связанных с этой эволюцией событий сознательно избегают более ярких эпитетов, описывающих преобразование принципов и институтов частного права.

В связи с этим хотелось бы привести слова С.С. Алексеева, основателя Исследовательского центра частного права: «...как показала История, каждый крупный поворот, сдвиг в развитии человеческих цивилизаций поразительно синхронно сопровождается — и это в высшей степени знаменательное явление (подтверждающее отмеченную ранее глубинную связь гражданского права с самой сутью цивилизации, разумом, интеллектуальными ценностями) — крупными переменами в этой области права, определяющими вехами в ее развитии»¹. Оглядываясь на 30 лет назад, можно с уверенностью сказать, что создание Основ гражданского законодательства Союза ССР 1991 г. и ГК РФ в действительности было революцией, восстановившей в нашей стране частное право, во всяком случае, заложившей мощный фундамент для его полноценного восстановления и развития. К числу сильнейших

---

¹ Алексеев С.С. Гражданское право в современную эпоху. М., 1999. С. 11.

преобразовательных начал следует отнести не столько отсутствовавшие в советском праве институты ГК РФ середины 1990-х («спящая» гл. 17 ГК РФ о праве собственности и иных вещных правах на землю, новые виды договорных конструкций, система юридических лиц), сколько свободу договора, осуществление права своей волей и в своем интересе, недопустимость произвольного ограничения гражданских прав, в том числе с помощью законов.

Отечественная цивилистика в течение 30 лет не только демонстрирует желание развивать эти частноправовые подходы, но и делом доказывает свое стремление выстраивать современное правовое поле, в котором индивидуум мог бы иметь все возможности для самореализации, признания и развития.

Вместе с тем социально-экономическая реальность далеко не во всем отвечает этим устремлениям и замыслам — по данным руководителя Счетной палаты РФ индекс государственной собственности в России существенно выше 50% ВВП, а 97% всех поступлений в казну в настоящее время обеспечивают всего 20 компаний, подавляющее большинство которых принадлежат государству¹.

Наши сожаления о том, что экономика не создает запроса на завершение правовых преобразований, на этом фоне легко объяснимы.

---

¹ <https://ko.ru/articles/pora-dat-ekonomike-povzroslet/>.